

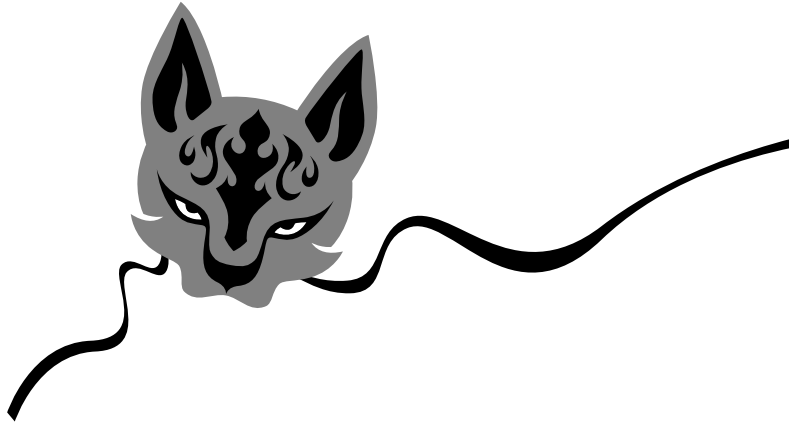
МО
ЯНЬ

Смерть пахнет
сандалом

INSPIRIA

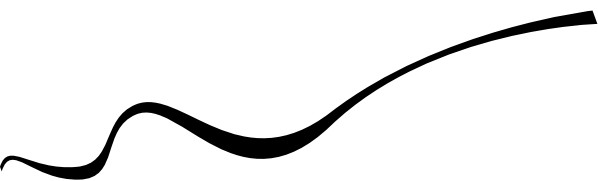
Москва
2024

Читайте также в серии:

«Страна вина»

«Большая грудь, широкий зад»

МО
ЯНЬ

Смерть пахнет
сандалом

INSPIRIA
Москва

УДК 821.581-31
ББК 84(5Кит)-44
М74

Mo Yan
THE SANDALWOOD TORTURE

Copyright © 2001, Mo Yan
All rights reserved

Перевод с китайского *Игоря Егорова*
Перевод фрагментов с китайского *Кирилла Батыгина*

Мо Янь.

М74 Смерть пахнет сандалом / Мо Янь ; [перевод с китайского И. Егорова ; перевод фрагментов с китайского К. Батыгина]. — Москва : Эксмо, 2025. — 576 с.

ISBN 978-5-04-188805-3

Смутные времена переживает Поднебесная: немецкие дьяволы строят железную дорогу, нарушающую порядок вещей. Интервенция, вспыхнувшие народные восстания в провинции Шаньдун и чиновничьи интриги становятся панорамой для пронзительного сюжета о трагической судьбе оперного певца и народного героя Сунь Бина, которого приговаривают к жестокой казни сандалового дерева.

История о чувствах и трогательных взаимоотношениях, о традициях и памяти, о силе людей и правде, которая приоткрывается лишь в искажении. Нетривиальный взгляд на человеческую суть, выставленную на суд толпы, делает «Смерть пахнет сандалом» интеллектуальным шедевром, повествующим о том, что даже смерть может стать настоящим искусством.

УДК 821.581-31
ББК 84(5Кит)-44

- © Егоров И., перевод на русский язык, примечания, 2024
- © Батыгин К., перевод на русский язык, примечания, 2024
- © Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-188805-3

КНИГА I
ГОЛОВА
ФЕНИКСА

ГЛАВА 1

ПУСТЯЯ БОЛТОВНЯ МЭЙНЯН

Солнце вскинулось ярким багрянцем (словно восточный край Неба озарил пожар). Прибыли с бухты Цзяо-чжоу немецкие войска (сплошь рыжебородые и зеленоглазые мужланы), стали в поле сооружать железную дорогу, перекопав могилы всех наших предков (ну как здесь не воспылать праведным гневом?!). Отец родной повел людей против немцев. Бах! Бум! Не стихали пушки (от грохота уши отказывались слышать). А глазам открывалось лишь залитое алым цветом столкновение противников. Взметались мечи, махали топоры, ударили вилы. Весь день лилась кровь, не сосчитать было перебитых людей (ах, как перепугалась ваша покорная слуга!). Вот и посадили моего батюшку в камеру для смертников, а названный отец назначил ему (моему родному отцу!) пытку сандалового дерева!

Отрывок из маоцянь
«Казнь сандалового дерева»,
«Песнь о великой скорби»

1

На рассвете того дня моему свекру Чжао Цзя и во сне не могло присниться, он и думать не мог, что через семь дней умрет от моей руки, смертью, более бесславной, чем у старого пса, верного своему долгу. Я даже подумать не могла, что такая простая девка, как я, сможет удержать острый кли-

нок и убить собственного свекра. Впрочем, тем более я представить себе не могла, что свекор, свалившийся на меня будто бы с неба полгода назад, окажется заплечных дел мастером, способным убить человека и глазом не моргнуть. Свекор мой носил маленькую шапочку с кисточками, похожую на дынную корку, длинный халат и куртку поверх него, крутил четки в руках, прогуливаясь по двору. Процентов на восемьдесят он напоминал официально отошедшего от дел чиновника, процентов на девяносто — почтенного отца семейства, чей дом полон детей и внуков. Но он не почтенный отец семейства и тем более не чиновник, свекор мой — главный палач судебного зала столичного министерства наказаний, первый клинок Великой Цинской империи, мастер рубить головы, знаток жестоких наказаний прошлых эпох, а также специалист по изобретению и изготовлению орудий пыток. В министерстве наказаний он служил почти сорок лет и голов напоотрубал, как он сам говорил, больше, чем собирают в год арбузов во всем уезде Гаоми.

Вечером того дня мне было тревожно на душе и не спалось. Я ворочалась на лежанке-к а н е¹ туда-сюда, как большой блин. Мой отец Сунь Бин был брошен в тюрьму по приказу начальника уезда Цянь Дина, последнего сукина сына, человека предельно распущенного в своей беспощадности. Какой бы он ни был плохой, Сунь Бин же мне отец, вот на душе кошки и скребут, и сон не идет. Чем дольше не спится, тем тоскливей на душе, чем тоскливей на душе, тем больше не до сна. Слышу, как мясные псы хрюкают за оградой, как жирные свиньи лают в хлеву. Свиньи лают, как псы, собаки хрюкают, как свиньи. Смерть их близка, а они еще и представление устраивают. Хрюкающая собака — все равно собака, а лающая свинья остается свиньей. Вот и отец неродной — все же отец. Хрю-хрю-хрю. Гав-гав-гав. Как же надоели эти звуки, докучают они мне. Понимают, твари, что скоро им конец. Смертный час отца тоже не за горами. Такие вещи звери чувствуют острее, чем

---

¹ К а н — подогреваемая кирпичная или глиняная лежанка в Северном Китае. На канах спят, сидят и едят. — *Прим. ред.*

КНИГА I. ГОЛОВА ФЕНИКСА

люди, ощущают разносящийся с нашего двора запах крови, видят, как прогуливаются в лунном свете стаи собачьих душ и стада свиных духов. Знают, что завтра рано утром, когда заалееет солнце, им настанет время свидеться с Янь-ваном¹. Они беспрестанно кричат, издают вопли перед гибелью. А как ты, батюшка, там, в камере смертников? Хрюкаешь ли, лаешь ли? Или заходишься «кошачьими» ариями из маоцзян²? Слышала я рассказы тюремщиков, мол, в камере смертников достаточно протянуть руку, чтобы набрать целую пригоршню блох, а тамошние клопы жиреют, разрастаясь до размеров крупных горошин. Ах, батюшка, батюшка, вот и прошли твои счастливые дни, когда вокруг тишь да гладь. Ты и думать не думал, что свалится каменная глыба и всей тяжестью придавит тебя в камере смертников...

Клинок входит белым, а выходит красным. Мой муж Чжао Сяоцзя — большой мастер по части забоя собак и свиней, его хорошо знают во всем уезде Гаоми. Здоровенный, плешь на полголовы, гладкий подбородок, днем ходит одуревший, ночью лежит бревном. Со дня нашей свадьбы раз за разом слышу от него сказку про усы тигра, ему еще мать ее рассказывала. Не знаю уж, какие подлецы так будоражат Сяоцзя из раза в раз, но в ночи он все пристает ко мне, чтобы я добыла ему выющийся золотистый волосок из усов тигра, который, если сунуть в рот, помогает распознать истинный облик человека. Пристает ночь за ночью, болван, просто рыбий пузырь какой-то, никакого сладу с ним нет. Пришлось сказать, что добуду. Этот дурак сворачивается в голове к а н а, храпит, зубами скрипит, да еще и приговаривает во сне: «Папка, папка, папка, смотри, смотри, смотри, яичко почеси, лапшу отбрось...» Надел до смерти! Толкаешь его ногой, а он съживается, перево-

---

¹ Янь-ван — владыка загробного мира по народным верованиям китайцев. — *Здесь и далее по тексту прим. переводчика без указаний.*

² Маоцзян (букв. «прекрасные мелодии») — жанр традиционной музыкальной драмы (условно «оперы»), распространенный в окрестностях города Циндао провинции Шаньдун. В романе обыгрывается созвучие слога «мао» в значении «прекрасный» и слога «мао» в значении «кошка». — *Прим. ред.*

Мянь

рачивается на другой бок, причмокивает языком, словно только что съел что-то вкусное, и продолжает бормотать, непрерывно храпеть и скрипеть зубами. Ну его, слабоумного! Буду спать, не обращая на него внимания!

Согнувшись, я села, опираясь спиной о холодную стену, взглянула в окно, где расплескивается, как вода, и разливается по земле свет луны. Собачьи глаза в хлеву сверкают зеленоватым светом, как маленькие фонарики, одна пара, две, три... Много их. Печальную мелодию выводят осенние насекомые. Стуча деревянными подметками непромокаемых сапог, идет ночной сторож, улица выложена голубоватыми плитками, стучит колотушка, доносятся звуки гонга. Третья смена стражи¹. Третьи стражи, глубокая ночь, кругом тихо. Весь город спит, только не спится мне, не спят и свиньи, не спят и собаки, не спит и мой отец.

Слышится хруст, это мышь грызет деревянный сундук. Швыряю в нее огрызок метлы, мышь убегает. В это время из комнаты свекра доносится слабый шорох. Опять катятся горошины по столу. Потом я узнаю, что старый хрыч считает не горошины, а человечьи головы; одна горошина — одна человечья голова. Ублюдок даже во сне думает вслух об отрубленных головах. Дрянь старая... Я вижу, как он поднимает меч, наносит удар сзади по шее отца, голова катится по улице, за ней бежит стайка ребятишек, детишки пинают голову. Чтобы избежать преследования ребятни, голова запрыгивает на ступеньки моего дома, потом закатывается во двор. Она кружит по двору, за ней с лаем бежит собака. У головы отца опыт большой, несколько раз собака чуть не укусила. Но сзади-то у башки еще есть коса, которая проходит наискосок и бьет собаке прямо в глаза. Собака воеет и сама пошла ходить кругами. Избавившись от собаки, голова отца стала кататься по двору, как огромный головастик плавает в воде. Длинная коса волочится сзади, как хвост...

---

¹ Стр а ж и — примерно двухчасовые отрезки времени, на которые делилась ночь в Древнем Китае. Смена стражи происходила по бою гонга, по звукам которого и отмерялось течение времени.

КНИГА I. ГОЛОВА ФЕНИКСА

От кошмарного сна меня пробудили колотушка и четвертая смена стражи. Я проснулась вся в холодном поту. Моих сердец стало множество, и все они страшно колошматили. Свекор все еще считал свои горошины, дрянь старая. Только теперь я поняла, почему он так страшит людей. От его тела веяло холодом, и это чувствовалось даже на расстоянии. Он прожил в своей выходящей на солнечную сторону комнате всего полгода, а там уже было холодно, как в могиле, так мрачно и страшно, что даже кошка не осмеливалась ловить там мышей. Я не решалась входить к нему, потому что вся покрывалась гусиной кожей. Когда Сяоцзя было нечего делать, он проникал в эту комнату, приставал к отцу, чтобы тот потчевал его сказками, надоедливый, как трехлетний ребенок. В самые жаркие летние дни он вообще не выходил из комнаты отца, даже со мной не спал. Отец у него был за жену, а я за отца. Чтобы не проданное за день мясо не завонялось, Сяоцзя подвешивал его на балку в отцовской комнате. Ну и кто скажет, что он дурачок? Кто скажет, что он не глупый? Когда свекор изредка выходил на улицу, даже злые кусачие собаки, повизгивая, забивались в уголки стен. Рассказывают еще более удивительные вещи: мол, однажды свекор похлопал ладонью большой тополь на улице, дерево задрожало беспрестанной дрожью так, что все листья зашелестели. Вспомнился мне собственный отец Сунь Бин. Батюшка, ты на этот раз заважничал, верно, как Ань Лушань¹, переспавший с императорской наложницей Ян-гуйфэй², или как Чэн Яоцзинь³, похитивший планы правителей Суй⁴. Это не предвещает ничего хорошего, трудно сохранить жизнь. Пришел на ум Цянь Дин, господин

---

¹ Ань Лушань — китайский военачальник, который в середине VIII века возглавил восстание против династии Тан (618–907 годы). — *Прим. ред.*

² Ян-гуйфэй — окутанная многими легендами и сказаниями наложница при дворе династии Тан. — *Прим. ред.*

³ Чэн Яоцзинь — китайский военачальник, служивший при династии Тан. — *Прим. ред.*

⁴ Династия Суй (581–618 годы). — *Прим. ред.*

Мо Янь

Цянь, выходец из цзиньши¹, чиновник пятого класса, начальник уезда, без пяти минут помощник правителя области, отец родной для народа, мой названный отец, старый обезьяний дух этакий. Отвернулся от меня и не признает. Как говорится, не смотри на монаха, смотри на Будду, не гляди на рыбу, нужно еще на воду поглядеть. Эй, господин Цянь... Вдобавок к личным отношениям, когда я на эти три года стала женщиной, к которой ты мог забираться на кан, вспомни и о том, что за три года ты выпил у меня столько кувшинов подогретого желтого вина, съел столько пиал жирной собачатины, прослушал столько пропетых мной отчетливо и мелодично арий маоцян. Подогретое желтое вино, жирная собачатина, женщина, возлежащая на кане. Господин, я вам прислуживала лучше, чем прислуживают государю. Господин, я поставила на кон тело, что глаже сучжоуского шелка, слаще дыни, засахаренной в гуаньдунском сахаре², и шла на все любовные игры, столько раз позволяла вам постичь истинно сущий Путь, столько раз давала вам возможность стать небожителем. Почему же ты не можешь быть милостивым к моему отцу? Почему ты вошел в сговор с этими немецкими дьяволами³, которые схватили моего отца и сожгли мою родную деревню. Знай я, что ты такая дрянь безжалостная, вылила бы желтое вино в ночной горшок, закопала бы собачатину в свином хлеву, арии пела бы в глухую стенку, тело свое бросила бы псам...

2

С беспорядочным стуком колотушки наступил рассвет. Я спустилась с кана, надела все новое, помыла лицо, напудрилась, наложила румяна, втерла в голову лавровое масло. До-

---

¹ Цзиньши — высшая ученая степень в системе китайских государственных экзаменов для занятия официальных постов. — *Прим. ред.*

² Гуаньдунский сахар — сорт кускового сахара из солода и клейкого риса или других злаков.

³ Порт Циндао провинции Шаньдун был передан в аренду Германии в 1898 году.

КНИГА I. ГОЛОВА ФЕНИКСА

стала из котла разваренную собачью ногу, завернула ее в листья лотоса и сунула в корзинку. С корзинкой в руках вышла на улицу навстречу все еще льющемуся с запада лунному свету и по выложенной плиткой дорожке зашагала к уездной управе. С тех пор, как отца арестовали и заключили в тюрьму, я каждый день ходила навестить его, но так ни разу и не попала к нему. Цянь Дин, сволочь ты этакая! В прошлом, если меня не было три дня с собачатиной, ты посылал за мной Чуньшэна, ублюдка мелкого, а теперь вообще стал прятаться, чтобы не встречаться со мной. А еще поставленные тобой перед воротами управы стражники с дробовиками и луками, которые всегда держались со мной особенно почтительно! Мелочь подлая! Прежде им не терпелось бухнуться на колени и отбивать земные поклоны. Теперь, морды собачьи, напускают на себя свирепый вид и норовят передо мной важничать. А ты еще взял да поставил перед воротами четырех немецких солдат с их чужеземными винтовками! Когда я с корзинкой приблизилась, они нацелили мне в грудь штыки. Скалятся во весь рот, но, похоже, не шутят. Эх, Цянь Дин, Цянь Дин, предатель ты, и с иностранцами якшаешься, рассердилась я на тебя. Гляди, сама отправлюсь в столицу и подам жалобу на высочайшее имя. Сообщу, что ты трескал собачье мясо на халяву, завладел чужой женой... Эх, Цянь Дин, я готова рискнуть и разбить голову о золотой колокол, чтобы с тебя содрали форму и открыли подноготную не знающего жалости подлеца.

Мне ничего не оставалось, как с корзинкой в руках удалиться от ворот. За моей спиной мелкие ублюдки, поставленные часовыми, презрительно захихикали. Ишь храбрецы! Пес неблагодарный, забыл, как вместе со своим папашей, который никак не умрет, в ноги мне кланялся? Если бы не я, смог бы ты, голодранец, торговец плетеными туфлями, занять место у уездной управы с дробовиком в руках и получать часть сезонного урожая? А ты, маленький попрошайка, ведь сидел на корточках у котла на улице в любые морозы! Не замолви я за тебя словечко, разве стал бы ты лучником? Это я за тебя хлопотала, позволяла полицейскому начальнику Ли Цзиньбао меня прицеливывать да по заду гладить, да и начальнику

Мо Янь

тюрьмы Су Ланьтуну меня по заду гладить да прицеловывать. А вы вон какие — смеете, глядя на меня, шуточки отпускать, презрительно посмеиваться в мою сторону, а на людей, кто побогаче, глазами собаки смотрите. Да Вас, выблядки собачьи, даже если бы и сплеховала, к мясу бы и не подпустила. Меня мертвецки пьяную не купишь за кувшин вина. Погодите, отдышусь вот, вернусь и разберусь с каждым.

Я оставила за спиной управу — чтоб ей пусто было — и побрела по выложенной плитами дороге домой. Батюшка, старый повеса, после сорока-пятидесяти ты неважно руководил труппой маоцянь, шатался по улицам, пел про императоров, генералов и сановников, изображал талантливых ученых и красоток, разыгрывал любовные трагедии, зарабатывал, сколько придется, ел дохлых кошек и собак, пил водку и вино, ел и пил вдоволь, якшался со всяким сбродом, взбирался на холодные стены, чтобы спать на теплом кане, довольствовался большим счастьем и малым, вел беспечную жизнь небожителя, стремился пускать пыль в глаза, болтал чепуху, говорил то, что не осмелится сказать бандит с большой дороги, обдeldывал дела, на какие и разбойник не решится, в конечном счете оскорбил служителя в управе, вызвал гнев начальника уезда, батогами тебе всю задницу расквасили, но ты головы не склонил, чтобы признать себя побежденным, дрался со всеми. Бороденка у тебя повыдранная, как у ощипанного петуха, она что обрезанный конский хвост. С театральной труппой ничего не вышло, вот ты открыл чайную, дело хорошее, жил себе тихо-мирно. Кто ж знал, что ты, как говорится, пожалеешь розог и испортишь ребенка, позволишь жене болтаться, накликаешь беду. Вот ее и полапали, ну, полапали и полапали. Ты же не стал молча сносить обиды и оскорбления, как добропорядочный человек, для которого пострадать — счастье, вытерпишь — пребудешь в мире. Поддавшись настроению, отлупил палкой немецкого инженера, чем и вызвал ужасные бедствия. Немцев даже император боялся, а ты — нет. Вот и накликал беду: деревня кровью умылась, двадцать семь душ погибло, в том числе младший брат и сестра, а также дочка. Но ты так разошелся, что на этом не остановил-